УДК 811.161.1'373.46

DOI 10.17516/2311-3499-076

ЭКОЛОГИЯ ЯЗЫКА И ПОЛИТИКА: ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ**Н.А. Купина**

В статье анализируются опубликованные в августовских выпусках регионального газетного издания (Областная газета. Екатеринбург, 2019) агитационные материалы кандидатов на дополнительных выборах депутатов Государственной Думы Российской Федерации. Непосредственный объект исследования, методологическую базу которого составляет лингвоэкологическая концепция А. П. Сковородникова, – агитационные тексты-обращения. Использование процедуры лингвоаксиологического измерения позволяет реализовать поставленную задачу, связанную с диагностикой экологического состояния политического языка. В ходе анализа систематизированы внешние и внутренние факторы, оказывающие негативное влияние на экологическое состояние политического языка и препятствующие формированию национальной идеи. Установлено, что комплексная реанимация идеологем тоталитарного языка советской эпохи сопровождается не только утратой мобилизационной функции ленинской формулы «народность – партийность – идейность», но и меной аксиологической маркированности лексем «партия», «партийность», «идейность». Охарактеризованы экологические следствия отсутствия общенародного представления о политическом будущем России. С учётом агитационной стратегии, погруженной в аксиологическую реальность текущего времени, выявлены интегрирующие базовые ценности и аксиологические константы. Сформулированы выводы о необходимости создания лингвистически выверенной типологии аксиологически маркированных вербальных знаков национального культурного кода и обновления прецедентной базы политического языка.

Ключевые слова и фразы: лингвоэкологическая концепция А. П. Сковородникова; лингвоэкологическая диагностика; политический язык; агитационный текст-обращение; аксиологическая реальность; интегрирующие базовые ценности; концепт; национальная идея.

ECOLOGY OF LANGUAGE AND POLITICS: LINGUOAXIOLOGICAL NOTES**N.A. Kupina**

The article analyzes the Russian State Duma deputies' propaganda materials published before the by-elections in the August issues of "Oblastnaya Gazeta" (Yekaterinburg, 2019). The methodological base of the research is A. P. Skovorodnikov's notion of linguo-ecology, its object are propaganda texts-appeals. The procedure of linguistic and axiological measurement makes it possible to implement the task of diagnosing the ecological state of the political language. Within the analysis, there are systematized external and internal factors that have a negative impact on the ecological state of the political language and prevent forming our national idea. It is found out that the complex reanimation of totalitarian language ideologemes belonging to the Soviet era is connected not only with the loss of the mobilization function of the Leninist formula "peopleness – party-mindedness – idea-allegiance" ("narodnost' – patrijnost' – idejnost'"), but also with a change in the axiological marking of lexemes "party", "party affiliation", "ideological ideology". The ecological consequences of lacking a nation-wide view of Russian political future are characterized. Considering the campaign strategy immersed in today's axiological reality, integrating basic values and axiological constants are found out. The conclusions are formulated about the importance of creating a linguistically verified typology of axiologically marked verbal signs of the national cultural code, as well as about the need to update the precedent base of the political language.

Keywords and phrases: *A.P. Skovorodnikov's notion of linguo-ecology; linguo-ecological diagnostics; political language; propaganda text-appeal; axiological reality; integrating core values; concept; national idea.*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00382 А «Речевой быт семьи: аксиологическая реальность и методы исследования (на материале живой речи уральского города)», а также поддержано программой 211 Правительства Российской Федерации, соглашение 02.А03.21.066.

Введение

В статье с опорой на идеи и методы, лежащие в основе предложенной А.П. Сковородниковым лингвоэкологической концепции, анализируются материалы предвыборной агитационной кампании 2019 года (единый день голосования 8 сентября). Задача исследования – экологическая диагностика состояния современного политического языка – осуществляется с помощью лингвоаксиологического измерения агитационной стратегии, включённой в социокультурный контекст текущего времени и отражающей аксиологическую реальность наших дней.

Востребованность современной лингвоэкологии как самостоятельной отрасли научного знания во многом определяется трудами профессора А.П. Сковородникова. Он ввёл в научный оборот дефиницию актуального научного направления [Сковородников 2003: 293–294], очертил проблемное поле лингвоэкологических исследований, сформулировал их теоретические и прикладные задачи [Сковородников 2016: 15–31], систематизировал терминологический аппарат [Там же: 330–350].

Отличительная черта разработанной концепции – опора на аксиологические суждения и установки русских философов [Сковородников 2016: 9–31], поиск философских оснований, позволяющих выявить «формы проявления национальной ментальности» [Колесов 2006: 437] в языке, речи и тексте. Отталкиваясь от декларируемого И.А. Ильиным [Ильин 1994: 500–501] тезиса о целесообразности опоры на «опыт очевидности», А.П. Сковородников аргументирует необходимость лингвоэкологической диагностики «состояния языка качеством среды его обитания и функционирования, а также языкового сознания носителей» [Сковородников 2016: 21–22].

Объектом комплексного анализа могут служить речевые произведения, характеризующиеся стратегически заданной «ценностной архитектоникой», которая предполагает вербализацию «руководящих ценностей» [Бахтин 1979: 149]. Травмированное социальными катаклизмами, прежде всего распадом Советского Союза, общественное сознание россиян отличается «турбулентностью», «переменчивостью ценностных установок» [Тощенко 2015: 14]. В разных сферах речевого коммуникативного взаимодействия обнаруживаются «коренные прагматические изменения» [Ратмайр 2013: 190]. В этой связи особую значимость для лингвоэкологии приобретает осмысление «идеологем, мифов, символов, политических ярлыков, бытующих в языковом репертуаре... политических партий и движений...» [Сковородников 2016: 244]. Многопартийность порождает идеологическую эклектику, препятствующую выдвижению национальной идеи.

В статье анализируются опубликованные в региональном газетном издании (Областная газета. Екатеринбург, 2019. 13.08; 27.08) агитационные тексты-обращения. Если в тексте имеются фрагменты программы партии, они становятся объектом специального анализа. Опыт лингвоэкологической интерпретации лексических единиц, высказываний и текстов осуществляется на основе лингвоаксиологического измерения с учётом агитационной стратегии партии и ее представителя.

Экологическое состояние современного политического языка: общая характеристика и срезовой анализ агитационных текстов-обращений

Оценка экологического состояния политического языка XXI века должна проводиться с учетом активных языковых процессов рубежа веков. Обвальная деидеологизация (см.: [Современный русский язык... 2008: 511–521]) привела к разрушению фундаментального лексикона – сложившейся в советское время системы идеологием. Положительное следствие этого процесса – очищение русского языка от «путеводных» политических концептов, формульных сочетаний. В то же время «страна философов» столкнулась с необходимостью аксиологического строительства, предполагающего формулирование национальной идеи, понимаемой как «целеполагание будущего нации и основные идеи, на котором это будущее мыслится и которые закрепляются в национальном сознании народа в процессе его исторического развития» [Сковородников 2016: 174]. На пути к осуществлению этой задачи возникли ментальные и собственно языковые препятствия.

«Русская душа, – писал Н.А. Бердяев, – стремится к целостности» [Бердяев 1997: 259]. Эта ментальная особенность русских, которым свойственно «искание царства правды» [Там же: 381], была манипулятивно использована при разработке советской государственной идеологии. Целостная идеологическая доктрина опиралась на целостность институционально контролируемого тоталитарного языка, сформулировавшего «дисциплинированное мышление» [Клемперер 1998: 243]. Политическая активность «сознательных» советских людей была задана мобилизационной энергией слов-идеологием, поддерживающих наивную веру в идею и идеалы.

Мифологизации общественного сознания способствовала примитивная модель времени, точкой отсчета которого стала революция. Вся история России была втиснута в рамки «дореволюционного» времени. Послереволюционное время мыслилось как продленное настоящее. Каждый отрезок настоящего связывался с победоносным строительством социализма. Партийные документы фиксировали стадии развития социализма, приближающие коммунистическое будущее. Трудовые подвиги советских людей совершались во имя идеи коммунизма.

Постсоветский период характеризуется реалистическим отношением к прошлому. Планомерно восстанавливаются вехи истории России. Концепт «история» освобождается от идеологических добавок. Возрождаются традиционные русские ценности. Группы историзмов возвращаются в активный запас языка. Последнее, безусловно, способствует его оздоровлению. В процессе аксиологического строительства не сформировалось, однако, ясного представления о будущем России. Этот факт не позволяет четко обозначить векторы развития современного политического языка.

Оборотная сторона процесса деидеологизации – маргинализация идеологического романтизма, выхолащивание ментального содержания концепта «идея». Политический язык частично парализовали вирусы лингвоцинизма и лингвопрагматизма. Лексические и лексико-фразеологические утраты обусловили лакуарность участков системы языка, связанных с политикой и политической деятельностью. Социально-экономические процессы и сопровождающая их деидеологизация языка «ампутировали» у носителей русского языка и культуры «вместилище для общих идей» [Аверинцев 2003: 148], идеологических смыслов, без которых невозможно сформулировать и принять национальную идею. Особо следует отметить пассивизацию прецедентной базы тоталитарного языка, главным источником которой являлись высказывания классиков марксизма-ленинизма, отвергавших «буржуазную философию». Возникла необходимость начавшейся, но не завершенной систематизации интегрирующих российскую цивилизацию концептуальных идей русских мыслителей и классиков русской литературы, находившихся в постоянных поисках смысла.

На экологическое состояние политического языка, безусловно, влияет фактор многопартийности, предполагающий функционирование идеологически выверенных субъязыков. Однако даже в названиях партий не всегда присутствуют интегрирующие идеологемы. Ср., например: «Единая Россия» (идеологемы единения, общности, сплочённости), «Справедливая

Россия» (идеологема справедливости) и «Яблоко» (первоначально название сложилось как сокращение фамилий лидеров – Явлинский, Болдырев, Лукин; в текущее время символ партии – плод яблони), партия «Против всех» (в названии отражается идеологический нигилизм, исключающий наличие интегрирующей идеологемы). Идеологическая расплывчатость – общая примета политического языка.

Партия, партийный список – единицы, поддерживающие представление о наличии единомышленников, каждый из которых способствует продвижению в жизнь стратегии, разработанной политической партией. Вошедшее в речевой оборот слово *самовыдвиженец* акцентирует позицию Я-идеологического, а не «позицию коллективной личности» [Бахтин 1979: 159]. Как показывают результаты прошедшей в России избирательной кампании, выбор россиян колеблется между выдвиженцами от партий и самовыдвиженцами. Например, СМИ информируют: *16 кандидатов в губернаторы (10 из них выдвинутые «ЕР», остальные – самовыдвиженцы). Избраны все. В один тур* (Российская газета. 17.09.2019). В материалах региональной избирательной кампании 2019 года заметно преобладание либо «принципа личности», либо «принципа общинности». Нетипичным является ментально-специфическое сочетание «принципа личности с принципом общинности» [Бердяев 1997: 271].

Ставшая «блуждающей» идеологема партийности была базовой в языке советской эпохи. Партийность свидетельствовала не только о «принадлежности к коммунистической партии», но и об «идейной направленности» мировоззрения, беззаветной «преданности идеям марксизма-ленинизма» [Мокиенко, Никитина 1998: 419, 224]. В обыденное общественное сознание целенаправленно внедрялось представление о многопартийности и межпартийной борьбе как особенностях капиталистического общества. При социализме провозглашается руководящая роль партии коммунистов. В толковом словаре советской эпохи значение лексемы *партия* иллюстрировалось с помощью высказываний И.В. Сталина: *Господствующие классы капиталистического общества... имеют соответственно несколько партий, борющихся между собой по частным вопросам...* Ср.: *Партия есть высшая форма организации пролетариата* [ТСУ 1939. Т. 3: 54]. Накопленный «опыт очевидности» объясняет идеологический скептицизм россиян, связанный как с межпартийной конкуренцией, так и с личной преданностью идеям партии. Из политического языка вытесняются сочетания прилагательного *идейный* (и.) с существительным лица: *и. работник, и. учитель, и. вождь* и другие. Не без иронии сегодня воспринимается идейный максимализм и партийная принадлежность гражданина: *Он дурак или идейный?* – расхожее выражение; *Люблю я пиво с водкой пить, / Люблю я в партии вступить* (И. Иртеньев). Ленинская триада *народность, партийность, идейность* оказалась недееспособной.

Обратимся к материалам региональной избирательной кампании.

«Областная газета» на своих страницах публикует адресованные избирателям Свердловской области тексты-обращения, которые различаются по стратегиям презентации кандидатов в депутаты Госдумы. Личная самопрезентация осуществляется с использованием фигуры умолчания, не позволяющей избирателям установить партийную принадлежность кандидата (1); кандидат использует символику партии, но при этом излагает личные подходы к будущей депутатской деятельности (2); кандидат презентует себя как член политической партии, заявляет о своей готовности к реализации программы партии (фрагменты программы, а в отдельных случаях вся программа, публикуются) (3); кандидат публикует личное обращение, партия также поддерживает своего кандидата (4).

Идущий на выборы от «Единой России» олимпийский чемпион 2014 года биатлонист Антон Шипулин не использует символику партии:

**Антон ШИПУЛИН,
Кандидат в депутаты Государственной Думы РФ
по Серовскому одномандатному
избирательному округу № 174**

Дистанцируясь от собственно политической лексики, А. Шипулин включает в текст обращения следующие слова и сочетания: *спорт, физическая культура, команда* (а не *партия*), *медицина*. Он намеренно остаётся в сфере спорта, которая примыкает к политике, но не может её заменить (ср. общее аксиологическое суждение *Спорт должен быть вне политики*). Если учитывать, что *политика* – это ‘деятельность органов государственной власти и государственного управления, отражающая общественный строй и экономическую структуру страны, а также деятельность партий и других организаций, общественных группировок, определяемая их интересами и целями’ [ТСРЯ 2008: 686], то следует признать, что ключевые слова текста-обращения на первый план восприятия выдвигают личные и корпоративные аксиологические предпочтения спортсмена, а не политического деятеля. Следовательно, содержание концепта «политика» размывается, а сам кандидат воспринимается как известный спортсмен, но не перспективный политический деятель.

Интегрирующие базовые ценности: «спорт», «спортивные победы», «здоровье», но не «Единая Россия».

В обращении к избирателям кандидата от «Яблока» Ирины Скачковой используется символика партии:

Рис. 1

В тексте слово *партия* не употребляется. Как и в обращении А. Шипулина, отсутствует опора на законодательные инициативы партии. Преобладают *Я*-высказывания, поддерживающие стратегию самопрезентации: *Дорогие друзья, уральцы! Я родилась в Свердловске-45 (теперь это город Лесной)... В семье военнослужащих*. С помощью обращения *уральцы* и сочетания *родилась в Свердловске-45* транслируется аксиологическая установка на региональную идентичность (в картине мира уральцев закреплено представление о моногородах и «номерных» заводах, продукция которых обеспечивает обороноспособность страны). Другие примеры *Я*-высказываний: *Я считаю, что государство должно служить людям, а его структуры делать всё для того, чтобы гражданин России был грамотным, здоровым и имел достойные условия жизни; Я иду в Государственную Думу, чтобы бороться с несправедливостью*. Аксиологически маркированные высказывания кандидата не вызывают протестной реакции. В то же время отсутствие конструктивных предложений, законодательных инициатив, направленных на решение назревших проблем, не отвечает ожиданиям целевого адресата. Примкнувшая к «Яблоку» Ирина Скачкова не «голос», а «подголосок» партии.

Интегрирующие базовые ценности: «малая родина», «люди», «гражданин», «здоровье», «образование», «достойная жизнь», «справедливость».

Примета современного политического языка – частичная и комплексная реанимация базовых идеологем новояза, которая сопровождается возрождением приёмов советской пропагандистской риторики. Системным качеством текста, выполняющего мобилизационную и агитационную функции, становится регулятивность (см.: [Болотнова 1998]).

Самопрезентация одного из кандидатов в составе текста-обращения к избирателям содержит информацию о его партийной принадлежности:

ДЕСЯТЬ СТАЛИНСКИХ УДАРОВ ПО КАПИТАЛИЗМУ

Предвыборная программа кандидата КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ КОММУНИСТЫ
РОССИИ Зенова Дмитрия Викторовича!

Обращает на себя внимание раскол в партийном сообществе коммунистов: последователи сталинской политической платформы объединились в отдельную партию, сосуществующую с КПРФ.

«Верный сын партии» Зенов обязуется претворять в жизнь программу партии, которая и есть программа кандидата. Единственное в тексте *Я*-высказывание исключает возможность личных инициативных законодательных формулировок:

Товарищ! 8 сентября в регионе состоятся выборы. В случае Победы я реализую программу Десять сталинских ударов по капитализму.

Советизм *товарищ* – ‘гражданин в советском обществе’ [Мокиенко, Никитина 1998: 602] – употребляется в собирательном значении. С помощью риторического обращения (см.: [Сковородников 2005: 279–282]) выделяется сегмент целевой аудитории избирателей: это люди, верные идеям социализма, готовые словом и делом поддержать партию, отстаивающую необходимость возвращения в жизнь сталинского курса строительства социализма. Реанимируются идеологемы бескомпромиссности, наступательности вождизма, сталинизма, коллективизма, морально-политического единства партии и народа. Отмеченные идеологемы интегрируют, однако, лишь незначительную часть российского общества.

Утопическая идея насильственного возвращения к социализму (*ВЕРНЁМ СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ! ВЕРНЁМ СОЦИАЛИЗМ!* – лозунги-призывы) способствует деформации естественного течения реального времени: настоящее связывается с капитализмом; ближайшее прошлое – с социализмом; будущее, за которое следует бороться, – с возвращением социализма. Оксюморон «будущее – это прошлое» лишает предложенную программу реалистической перспективной направленности.

Собственно политические установки, включенные в жесткую оппозицию «капитализм – социализм», не лишены противоречий. Содержание текста-обращения опирается на советскую символику:

Рис. 2

Герб СССР (серп и молот) символизирует единство рабочих и крестьян. Лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» транслирует идеологему классовости, включенную в мировое пространство. Между тем лексемы *класс*, *рабочие*, *пролетариат*, *крестьяне*, *крестьянство* в тексте отсутствуют. Следовательно, партия и её кандидат Зенов отказываются от базовых идей сталинизма и марксизма-ленинизма. Существенным является также отказ от воинствующего атеизма: *Уважая чувства всех верующих, мы одновременно выступаем против вмешательства религиозных институтов в жизнь общества* (ДЕВЯТЫЙ УДАР).

Слово *удар* является ключевым в программе коммунистов-сталинистов. С помощью переносного значения ‘действие, направленное к опровержению, пресечению, устранению чего-н.’ [ТСУ. 1940. Т. 4: 890] транслируется характерный для стратегии партии идеологический максимализм, бескомпромиссность, беспощадность (СЕДЬМОЙ УДАР: *За убийства, шпионаж, крупные хищения госсобственности необходимо применять смертную казнь*). В то же время «новые старые идеологи» избегают употребления слова *революция* и, как уже упоминалось, не

используют базовых номинаций движущих сил революции, тем самым проявляя идеологический конформизм.

Очевиден поворот стратегии партии в сторону социальной политики: *советские нормы социальной политики* отстаиваются на базе реализации лексем и формальных структур, в семантике которых закреплена сема ‘деньги’. Например: *твердые цены, минимальная зарплата – 70 000 рублей, бесплатное социальное жилье, отмена повышения НДС, бесплатный и общедоступный характер советского образования*. Таким образом, *советская по духу концепция* утилитаризируется. Утилитарные ценности вытесняют ценности духовные.

Вербализованные с помощью советизмов, ценностные предпочтения сталинистов новейшего времени «выполняют функцию объединения группы» [Бартминьский 2005: 141], а не нации. Очевидно, эти идеологемы тоталитарного языка (см.: [Купина 2015]) полностью или частично утратили мобилизационный потенциал и лишь частично могут программировать поведение «...в рамках определенной социальной группы» [Бартминьский 2005: 186–187]. Комплексная реанимация опорных единиц фундаментального лексикона способствует засорению современного политического языка.

Агитационный текст-обращение может оформляться как призыв партии голосовать за выдвигаемого ею кандидата. Так, партия «Справедливая Россия» агитирует уральцев голосовать за Алексея Коровкина – *фельдшера выездной бригады Скорой помощи (город Новая Ляля Свердловской области)*. Тексты (их два) не содержат Я-конструкций.

В тексте-1 использован приём диалогизации, обеспечивающий агитационную функцию. Формулируется вопрос: **ПОЧЕМУ АЛЕКСЕЙ КОРОВКИН ДОЛЖЕН ВЫИГРАТЬ ВЫБОРЫ?** Ответ на поставленный вопрос содержится в пяти однотипно структурированных тезисах, каждый из которых мотивирует решение партии. Например: *Потому что Алексей Коровкин – настоящий и понятный. Ему не надо убеждать весь белый свет, что он – честный. У людей свои глаза и мозги есть, они и так правду видят. Алексей Коровкин доступен, он – рядом, такой же как все. Здесь родился. Здесь учился. Здесь сгодился. 22 года работает фельдшером выездной бригады «Скорой помощи» и никуда не собирается уезжать.*

Характеризующие предикаты систематизируются с учётом аксиологических предпочтений целевого коллективного адресата. Штрихи к портрету: человек из народа, честный, порядочный, занятый общественно полезным трудом, понимающий нужды людей, открытый для конструктивного диалога с земляками.

Презентационная стратегия осуществляется с использованием символики партии и ключевой идеологемы (текст-2):

Рис. 3

Закрепленное в ядре политического лексикона слово *закон* сопровождается прилагательным, номинирующим базовую ценность русской ментальности. Формирование каждого из **25 справедливых законов** воспринимается как общепартийная аксиологическая установка, направленная на соблюдение гражданских прав и свобод.

Специально разрабатываются основы социальной и государственной политики. Например: **2. Закон о дополнительных гарантиях работникам бюджетной сферы.** Повышение зарплаты до уровня госслужащих; **6. Изменения в федеральный закон об образовании.** Отмена ЕГЭ. Финансирование образования и науки 7 % ВВП; **11. Изменения в жилищное законодательство.** Бессрочная бесплатная приватизация жилья для граждан. Доступное жильё через деятельность ЖКХ. Публикуемые 25 законов отражают программу партии, представленную в сокращении.

Нельзя не обратить внимания на экспансию утилитарных ценностей. Так, сема ‘деньги’ актуализируется в следующих номинациях, извлеченных из текста анализируемого программного политического документа: *финансирование, плата, оплата, уплата, платный, бесплатный, зарплата, налог, налогообложение, страхование, льгота, квота, размер пенсии, материнский капитал.*

Интегрирующие базовые ценности: «социальная защита», «социальные гарантии», «благополучие», «справедливые законы».

Национально-одобряемая идея охватывает также инициативы, связанные с механизмами самоуправления и организацией выборов. Например: 22. **Изменения в федеральный закон об общих принципах организации местного самоуправления.** Прямые выборы мэра. Структура местной власти принимается на местном референдуме. Увеличение вопросов местного значения допускается при условии местного бюджета; 23. **Изменения в избирательное законодательство.** Избираемость Совета Федерации прямым голосованием граждан. Отмена «муниципального фильтра». Отмена досрочного голосования и голосования по открепительным удостоверениям.

Аксиологическая установка на региональную идентичность передаётся с помощью частотного в программном документе прилагательного *местный* (м.). В контексте ситуации оно приобретает значение ‘уральский’: *м. власть, м. самоуправление, м. выборы, вопросы м. значения, м. референдум.*

Положительно оценочными оказываются сочетания *прямые выборы, прямое голосование.* Данные сочетания свидетельствуют о поддержке партией демократических процедур, хотя лексемы *демократия, демократический* в тексте не употребляются. Параллельно отметим, что слова с корнем *демократ-* не используются даже в состоящей из 100 пунктов программе ЛДПР, несмотря на то, что идеологема *демократическая партия* присутствует в полном названии партии.

Аксиологическую значимость в контексте приобретают потенциальные семы ‘открытый’, ‘явный’, ‘правдивый’. Отрицательная коннотация сопровождает употребление метафоры *муниципальный фильтр*: принятая процедура регистрации кандидатов в депутаты Госдумы оценивается как несправедливая.

В текстах-обращениях от партии «Справедливая Россия» реализуются объединенные концептом «справедливость» аксиологические константы: «Россия», «малая родина», «открытость», «правдивость», «свободное волеизъявление».

Гармоническое соединение принципа «личности» и принципа «общинности» (Н.А. Бердяев) отражается в формировании национального лингвокультурного типажа. Это перспективный политик, способный воплотить в жизнь программу партии, отстаивающий интересы населения, обладающий высокими морально-нравственными качествами.

«Принцип личности», который в условиях многопартийности приобретает особую значимость, лежит в основе личного обращения Коровкина к землякам-уральцам. Местоимение *я* включается в формульные сочетания, которые в составе целого текста передают уверение в собственных силах, аргументирующее призыв к избирателям: *Я готов; Я иду на выборы; Я хочу; Я могу; Я настаиваю; Я призываю...*

Демонстрируя свою органическую связь с Уралом и уральцами, кандидат включает в текст *Мы-высказывания* со значением совместности, общности, единения и тем самым сочетает «принцип личности» и принцип коллективизма (общинности, соборности): *Это наша земля, мы здесь живём, никто, кроме нас, не решит нашу судьбу и судьбу нашей родины.* Концепт «наша земля» укрупняется. Во всех случаях Урал осмысливается как неотъемлемая часть России, а уральцы – как россияне. Ср.: *Весь народ – это мы и есть; Покажем и докажем себе, Уралу и всей стране, что мы способны сделать самостоятельный, осознанный выбор... в пользу... достойного настоящего и надежного будущего* (политический взгляд на будущее страны не конкретизируется).

Идея единения, совместности поддерживается опорой на концепт «народ» и прецедентное высказывание А.И. Солженицына, которое не выделяется кавычками. Последнее свидетельствует о его вхождении в состав крылатых слов и выражений русского языка. Оптимистическая тональность сопровождает аксиологические суждения, передающие личную точку зрения профессионала и гражданина, опирающуюся на искания национальной идеи: *Состояние здравоохранения – это и отражение всей социальной сферы, нашей с вами жизненной среды, социальной справедливости, сбережение народа. Ведь народ – это мы и есть.*

Интегрирующие общенациональные и региональные базовые ценности: «родина», «страна», «малая родина», «Урал», «народ», «сбережение народа», «уральцы», «осознанный выбор», «достойное будущее», «социальная справедливость».

Избирательные технологии партии «Справедливая Россия» разработаны с учетом гармонического сочетания «принципа личности» (персонализма, но не эгоцентризма) и «принципа общинности». В агитационных материалах разрабатывается аксиологическая константа справедливости, поддерживающая идею необходимости планомерного развития справедливого социального государства.

В проанализированных агитационных текстах-обращениях находит аспектное развитие концепт «социальное государство». Целостная концепция российского варианта социального государства – задача политиков и социологов.

Заключение

Разработанные А.П. Сковородниковым идеи и методы лингвоэкологии – надежная основа лингвоэкологической диагностики языка вообще и лингвоэкологической диагностики политического языка в частности.

Экологическое состояние современного политического языка зависит от ряда внутренних и внешних факторов. В их числе обвальная деидеологизация русского языка; вызванная социальными катаклизмами «турбулентность» общественного сознания; экспансия утилитарных ценностей; идеологический эклектизм; обусловленный в значительной степени многопартийностью; просчёты государственной языковой политики; отсутствие философски обоснованного представления о политическом будущем России, а также отсутствие сформулированной на базе ментальных ценностных предпочтений россиян национальной идеи. Объективный фактор, влияющий на оздоровление политического языка, – морально-этическая составляющая новейших законодательных инициатив.

Срезовой анализ агитационных текстов-обращений выявил эффективность процедуры лингвоаксиологического измерения, помогающей обнаружить болевые участки речевых произведений, установить векторы влияния советизмов и реанимированных формул тоталитарного языка, охарактеризовать интегрирующие ценности, выделить аксиологические константы.

Отметим целесообразность разработки непротиворечивой лингвистической типологии национальных ценностей, подготовки специальных изданий сборников аксиологических суждений русских мыслителей и писателей.

Литература

- Аверинцев С. Несколько мыслей о «евразийстве» Н.С. Трубецкого // Новый мир. 2003. № 2. С. 137–149.
- Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005. 528 с.
- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
- Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма // Философия свободы. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: ЗАО «Сварог и К», 1997. С. 246–412.

Болотнова Н.С. О теории регулятивности художественного текста // *Stylistyka*. 1998. Вып. VII. Opole, 1998. С. 179–189.

Ильин И.А. Путь к очевидности // *Собрание сочинений: в 10 т.* М.: Русская книга, 1994. Т. 3. С. 383–560.

Клемперер В. ЛТИ. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. М.: Прогресс-традиция, 1998. 384 с.

Колесов В.В. Слово и ментальность как национальное своеобразие // *Обретение смысла. Сб. статей, посвященный юбилею д-ра. филол. наук, проф. К.А. Роговой.* СПб.: Изд-во «Осипов», 2006. С. 421–440.

Купина Н.А. Тоталитарный язык: Слова и речевые реакции. Изд. 2-е, испр. и доп. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 186 с.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 704 с.

Ратмайр Р. Русская речь и рынок: традиции и инновации в деловом и повседневном общении. М.: Языки славянских культур, 2013. 456 с.

Сковородников А.П. Лингвистическая экология или лингвозкология // *Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева.* М.: Флинта: Наука, 2003. С. 293–294.

Сковородников А.П. Риторическое обращение // *Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А.П. Сковородникова.* М.: Флинта: Наука, 2005. С. 279–282.

Сковородников А.П. Экология русского языка: монография. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. 388 с.

Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 511–521.

Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. 668 с.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2008. 1175 с.

ТСУ – Толковый словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1939. Т. 3. 1432 с.; 1940. Т. 4. 1500 с.

References

Averintsev S. Neskol'ko mysley o "evraziystve" N.S. Trubetskogo [A Few Thoughts on N. S. Trubetskoy's "Eurasianism"]. *Novyy mir*, 2003, no 2, pp. 137–149.

Bartmin'skiy E. Yazykovoy obraz mira: ocherki po etnolingvistike [Language Image of the World: Essays on Ethnolinguistics]. Moscow, Indrik Publ., 2005. 528 p.

Bakhtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva [The Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 424 p.

Berdyayev N.A. Istoki i smysl russkogo kommunizma [Origins and Sense of Russian Communism]. *Berdyayev N.A. Filosofiya svobody. Istoki i smysl russkogo kommunizma [Philosophy of Freedom. Origins and Sense of Russian Communism]*, Moscow, ZAO "Svarog i K" Publ., 1997, pp. 246–412.

Bolotnova N.S. O teorii regul'yativnosti khudozhestvennogo teksta [On the Regulativity Theory of Fiction Text]. *Stylistyka*, Opole, 1998, issuer. VII, pp. 179–189.

Ilyin I.A. Put' k ochevidnosti [The Path to Evidence]. *Ilyin I.A. Sobranie sochineniy [Complete Works]*, in 10 vols. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1994, vol. 3, pp. 383–560.

Klemperer V. LTI. Yazyk Tret'ego reykh. Zapisnaya knizhka filologa [LTI. The Language of the Third Reich. A Notebook of a Philologist]. Moscow, Progress-traditsiya Publ., 1998. 384 p.

Kolesov V.V. Slovo i mental'nost' kak natsional'noe svoeobrazie [Word and Mentality as a National Identity]. *Obretenie smysla. Sb. statey, posvyashchennyy yubileyu dokt. filol. nauk, prof. K.A. Rogovoy* [Sense Acquiring. A Collection of Articles on the Anniversary of the Doctor of Philology, Prof. K. A. Rogova]. Saint-Petersburg, "Osipov" Publ., 2006, pp. 421–440.

Kupina N.A. Totalitarnyy yazyk: Slova i rechevye reaktsii [Totalitarian Language: Words and Speech Reactions]. 2-nd ed. Ekaterinburg, Ural University Press Publ., 2015. 186 p.

Mokienko V.M., Nikitina T.G. Tolkovyy slovar' yazyka Sovdep'ii [Explanatory Dictionary of the Language of the Sovdepia]. Saint-Petersburg, Folio-Press Publ., 1998. 704 p.

Rathmayr R. Russkaya rech' i rynek: traditsii i innovatsii v delovom i povsednevnom obshchenii [Russian Speech and Market. Traditions and Innovations in Business and Everyday Communication]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2013. 456 p.

Skovorodnikov A.P. Lingvisticheskaya ekologiya ili lingvoekologiya [Linguistic Ecology or Linguoecology]. *Ivanov L.Yu., Skovorodnikov A.P., Shiryayev E.N. (eds.). Kul'tura russkoy rechi. Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik* [Culture of Russian Speech. Encyclopaedic Dictionary]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2003, pp. 293–294.

Skovorodnikov A.P. Ritoricheskoe obrashchenie [Rhetorical Appeal]. *Skovorodnikov A.P. (ed.). Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik. Vyrazitel'nye sredstva russkogo yazyka i rechevye oshibki i nedochety* [Encyclopedic Dictionary. Expressive Means in Russian Language and Speech Mistakes and Shortcomings]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2005, pp. 279–282.

Skovorodnikov A.P. Ekologiya russkogo yazyka [Ecology of the Russian Language]. Krasnoyarsk, Sibirskiy federal'nyy universitet Publ., 2016. 388 p.

Krysin L.P. (ed.). Sovremennyy russkiy yazyk: Aktivnye protsessy na rubezhe XX–XXI vekov [The Contemporary Russian Language: Active Processes in the XX– XXI Centuries]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2008, pp. 511–521.

Toshchenko Zh.T. Fantomy rossiyskogo obshchestva [Phantoms of Russian Society]. Moscow, Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya i marketinga Publ., 2015. 668 p.

Shvedova N.Yu. (ed.). Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov [Explanatory Dictionary of the Russian Language with the Inclusion of Information about the Origin of Words]. Moscow, "Azbukovnik" Publ., 2008. 1175 p.

Ushakov D.N. (ed.). Tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Russian Language]: in 4 vols. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey Publ., 1939, vol. 3, 1432 p.; 1940, vol. 4, 1500 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Купина Наталия Александровна, д-р филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Россия, 620083, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, ауд. 312

E-mail: natalia_kupina@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Kupina Natalia Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of the Russian Language, General Linguistics and Verbal Communication

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin 51-312, Lenin ave., Ekaterinburg 620083 Russia

E-mail: natalia_kupina@mail.ru